

Годъ изданія девятыя.

І Ю Л Ъ.

№ 17.

1916.

XVII $\frac{45}{10}$

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ (стих.).
НА ПАРОВОДЪ.
ВЪ ЖАРКІЙ ПОЛДЕНЬ (стих.).
НА ЛОНЪ ПРИРОДЫ (повѣсть).
ЩЕНЯТКИ.
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Часовня—для склеиванія.
Лягушка, улитка и ракъ (игра).

LIBRARY

1875

UNIVERSITY

OF CALIFORNIA

BERKELEY

LIBRARY

OF CALIFORNIA

BERKELEY

LIBRARY

OF CALIFORNIA

BERKELEY

LIBRARY

OF CALIFORNIA

№ 17. Іюль, 1916.

Годъ изданія IX-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

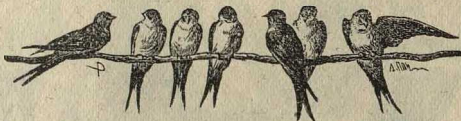

Шарикъ. (Къ разсказу „На пароходѣ“).

ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ.

Летаютъ бабочки, снуютъ жучки, стрекозы,
 Въ густой травѣ кузнечики трещать,
 Ужь отцвѣла сирень, цвѣтутъ роскошно розы
 И нѣжный отъ луговъ несется ароматъ.
 Весь день стоитъ жара, сіяетъ солнце ярко,
 И радъ, что посидишь въ тѣнистомъ уголкѣ...
 Но дѣтямъ ничего! Шалятъ въ аллеяхъ парка
 Иль съ визгомъ цѣлый день болтаются въ рѣкѣ.
 А чуть спадетъ жара, и вечеръ благовонный,
 Сойдетъ на лугъ, на лѣсъ, и спустится роса, —
 Ужь соловьи поютъ свой гимнъ неутомонный
 И слышатся въ лѣсу ночные голоса.
 Но вотъ взошла луна и звѣздныя свѣтила
 Зажглись и въ небесахъ свершать свой стали путь,
 А мы сидимъ, сидимъ и, кажется, нѣтъ силы
 Подняться и уйти и до зари уснуть.

Кузнечикъ.

НА ПАРОХОДѢ.

Однажды въ декабрѣ снѣгъ падалъ такъ долго и такъ густо, что вся палуба парохода была покрыта точно ватой и капитанскаго мостика не было видно и въ двухъ шагахъ. Капитанъ Иванъ Игнатьичъ цѣлыя сутки не покидалъ его и все глядѣлъ вдаль, чтобы не столкнуться съ какимъ-нибудь другимъ пароходомъ или не налетѣтъ на рыбацью лодку. Добравшись до пристани, онъ цѣлые два часа потомъ очищали отъ снѣга пароходъ и, наконецъ, усталый отправился къ себѣ въ каюту, чтобы лечь и отдохнуть. Каково же было его удивленіе, когда у дверей своей каюты онъ увидалъ большую собаку, свернувшуюся калачикомъ и всѣмъ тѣломъ вздрагивавшую во снѣ.

— Ты что здѣсь дѣлаешь? крикнулъ на нее капитанъ. — Пошла отсюда вонъ!

Тутъ же, у двери, спалъ и какой-то мальчикъ. Услышавъ голосъ капитана, онъ вскочилъ.

— А ты кто такой? строго спросилъ его капитанъ.—Какъ ты попалъ на этотъ пароходъ? Кто тебя впускалъ? Теперь я знаю, кто меня обкрадываетъ, всякій разъ какъ я прихожу въ этотъ портъ!

И онъ схватилъ мальчика за шиворотъ.

— Это не я... залепеталъ мальчикъ съ дрожью въ голосѣ.—Простите... Все время шелъ снѣгъ... Я прозябъ и вотъ зашелъ сюда, чтобы погрѣться.

Капитанъ былъ очень возбужденъ. Дѣйствительно, въ каждый его прїѣздъ въ этотъ городъ, къ нему въ каюту обязательно прокрадывался какой-то неизвѣстный воръ и что-нибудь у него воровалъ.

— Вотъ я покажу тебѣ!.. продолжалъ онъ.—Ты у меня узнаешь, какъ воровать! Какъ тебя зовутъ?

— Коля... отвѣтилъ мальчуганъ.

— Почему-же ты зашелъ именно сюда, а не къ себѣ домой?

— У меня нѣтъ дома... Я жилъ у Софьи Егоровны... я сирота. Она меня кормила и поила и любила, какъ родного внука, но на этой недѣлѣ она умерла и вчера прїѣхали ея дочь съ мужемъ, забрали себѣ все, а меня выгнали вонъ. Я цѣлую ночь провелъ на улицѣ, не спалъ, озябъ и вотъ... попалъ сюда.

Мальчикъ говорилъ такъ искренно, что у Ивана Игнатыча, не

смотря на всю его суровость, не осталось въ душѣ ни малѣйшаго сомнѣнія въ его правдивости. Конечно, этотъ мальчикъ не могъ быть воромъ. Такимъ тономъ воры не говорятъ и такъ искренно въ глаза не глядятъ. Капитанъ нахмурилъ брови и подумалъ.

— Въ такомъ случаѣ оставайся... какъ-бы нехотя сказалъ онъ потомъ.—Только собаку свою, братъ, прогони. Я грязи не терплю. Вонъ ее отсюда!

— Въ такомъ случаѣ мы уйдемъ сейчасъ вмѣстѣ, покорно отвѣтилъ Коля.

Капитанъ поглядѣлъ и на собаку. Она посмотрѣла ему въ самые глаза и, казалось, тоже умоляла его не выгонять ихъ изъ тепла. Ему стало жалко ихъ обоихъ.

— Ну, ладно! сказалъ онъ, махнувъ рукою.—Оставайся ужъ и ты! Только ты у меня смотри!.. Я, братъ, безъ церемоніи!.. Чуть что, сейчасъ же за хвостъ—и въ воду!

Онъ сошелъ къ себѣ въ каюту, а Коля и собака остались тамъ же, гдѣ и были, и долго смотрѣли на его дверь.

— Ложись, Шарикъ! сказалъ Коля.

Собака легла, Коля прижался къ ея спинѣ и оба заснули.

Наступилъ часъ отхода. Въ котлѣ зашумѣли пары, изъ трубы парохода повалилъ густой черный дымъ. Было уже утро и отдохнувшій капитанъ стоялъ уже на своемъ мо-

стикъ и отдавалъ приказанія. Раздался звонокъ, прогудѣлъ три раза гудокъ—и пароходъ отвалилъ отъ берега. Скоро онъ вышелъ въ открытое море.

Въ эту ночь всѣ вещи Ивана Игнатьича были цѣлы и онъ былъ доволенъ и все время искалъ глазами Колю. Но его нигдѣ не было видно.

„Что за исторія?.. подумалъ онъ.—Куда онъ пропалъ?“

Онъ нашелъ его внизу, въ машинѣ, гдѣ было такъ жарко, что трудно было съ непривычки дышать. Коля изо всѣхъ силъ помогалъ тамъ механику, чистилъ, скоблилъ, вытиралъ мѣдныя части и подметалъ разсыпанный мелкій уголь. Работалъ онъ съ увлеченіемъ.

— Что ты здѣсь дѣлаешь? крикнулъ на него сверху капитанъ.— Пошелъ отсюда вонъ!

Мальчикъ вздрогнулъ и выронилъ изъ рукъ замасленную тряпку.

— Не гоните его отсюда, Иванъ Игнатьичъ, — заступился за него механикъ.— Онъ мнѣ помогаетъ, какъ большой. Оставьте его здѣсь!

Капитанъ подумалъ.

— А это—мысль, отвѣтилъ онъ сверху.— Не помѣститъ-ли намъ его сюда? А собака здѣсь?

— Здѣсь, грѣется у котла.

Капитанъ ушелъ.

Часовъ черезъ четырнадцать пристали къ берегу. Пассажиры засуетились, заспѣшили, послышались крики носильщиковъ, из-

возчиковъ и звонки трамвая, стояшаго у пристани. Каждый отпраплялся въ городъ и зналъ, куда и зачѣмъ онъ туда ѣдетъ; одинъ только Коля не зналъ, куда ему дѣваться и что предпринять. Онъ приѣхалъ обратно въ свой родной городъ, гдѣ для всѣхъ былъ чужой,—и это его страшило. Что, если капитанъ высадитъ его на берегъ? Что, если онъ прикажетъ ему прогнать Шарика? Куда они тогда дѣнутся оба? И положивъ руку на голову собаки, Коля стоялъ на палубѣ и безпокойно оглядывался по сторонамъ. Шарикъ тоже глядѣлъ на него и, казалось, спрашивалъ:—Куда мы теперь пойдѣмъ? Что съ нами будетъ?

Хлопья снѣга падали Колѣ на плечи и таяли у него на рукахъ и на лицѣ. Долго онъ стоялъ такъ, пока наконецъ пароходъ не опустѣлъ совсѣмъ. Капитанъ и всѣ служащіе куда-то ушли, затѣмъ вернулись опять и каждый сидѣлъ у себя въ каютѣ и отдыхалъ послѣ пути и трудовъ. И никто не обратилъ вниманія на Колю и его собаку.

А между тѣмъ поднялась снѣжная метель. Было холодно, тучи снѣга неслись вдоль берега и не было видно ничего даже на аршинъ. Вѣроятно, пароходъ долженъ былъ здѣсь заночевать. Наступилъ вечеръ, давно уже миновалъ срокъ отхода парохода, а онъ все еще не снимался съ пристани и не отправлялся въ путь. Приѣхалъ

какой-то одинъ пассажиръ, повертѣлся на пароходѣ и уѣхалъ обратно въ городъ.

— Сегодня пароходъ не пойдетъ! услышалъ Коля голосъ матроса.— Потому большая метель и мы будемъ здѣсь ночевать!

Около семи часовъ вечера Иванъ Игнатьичъ вышелъ изъ своей каюты и прошелся по пароходу.

— А ты все еще стоишь здѣсь? обратился онъ къ Колѣ, завидѣвъ его у рубки.—А я думалъ, что ты грѣешься у машины! Вѣдь здѣсь холодно! Чего ты здѣсь стоишь?

— Я жду васъ... робко отвѣтилъ Коля.—Я не знаю, куда мнѣ идти.

— Эту ночь ты проведешь здѣсь! отвѣтилъ капитанъ.

— И Шарикъ тоже?

— Да... А завтра ты его прогонишь на берегъ. Впрочемъ, тамъ видно будетъ! Иди къ моей каютѣ и расположись тамъ у двери на покой. Сегодня я ночь проведу на берегу у своихъ и вернусь только къ утру. Тебя около моей каюты никто не тронетъ. Устройся тамъ на полу на коврѣ, подложи подъ голову мое старое пальто и спи себѣ на здоровье!

Онъ вышелъ, но черезъ минуту снова вернулся и нагнулся надъ Колей.

— Ты уже спишь? спросилъ онъ его?

— Нѣтъ, отвѣтилъ мальчикъ и почтительно вытянулся передъ нимъ во весь ростъ.

Капитанъ нѣсколько помялся и продолжалъ:

— Я не знаю, почему, — но ты внушаешь мнѣ довѣріе. Какъ разъ въ этой самой гавани насъ кто-то всегда обкрадываетъ. Я не надѣюсь даже на своихъ матросовъ. Быть можетъ, воровствомъ сталъ заниматься кто-нибудь и изъ нихъ... Если ты хорошій мальчикъ, то ты будешь лежать здѣсь и въ случаѣ чего—крикнешь сюда боцмана или механика. Во всякомъ случаѣ я на тебя надѣюсь. Я тебѣ вѣрю и самъ не знаю, почему...

И онъ нахлобучилъ себѣ на лобъ картузъ и сошелъ на берегъ. Метель закружилась вокругъ него и черезъ двѣ минуты онъ уже исчезъ въ темной глубинѣ ночи. Мелькали мутными пятнами фонари на берегу, шумѣло море и вѣтеръ гудѣлъ въ снастяхъ парохода. Коля поглядѣлъ капитану вслѣдъ, а потомъ сошелъ къ его каютѣ, растянулся на коврикѣ у дверей и сладко заснулъ. Шарикъ прикорнулъ къ нему и сталъ грѣть его своей спиной.

Машина погасла и весь пароходъ, казалось, вымеръ или погрузился въ глубокой, заколдованный сонъ.

Какъ вдругъ раздалось злобное ворчаніе Шарика. Коля вскочилъ и протеръ себѣ глаза. Въ первую минуту онъ не сообразилъ, гдѣ находится, и подумалъ, что слышитъ ворчаніе собаки во снѣ.

— Молчи, Шарикъ! тихонько сказалъ онъ.

Собака отвѣтила ему глухимъ ворчаньемъ. Коля проснулся окончательно и поднялся на колѣнки. До него донесся какой-то подозрительный шорохъ. Онъ прислушался и ясно различилъ чьи-то вкрадчивые шаги. Кто-то ходилъ по корридорчику и на шаривалъ руками стѣны, очевидно отыскивая дверь въ капитанскую каюту.

Коля приподнялся тихонько, такъ что почти не было слышно, отворилъ дверь въ корридорчикъ и увидалъ въ темнотѣ какого-то оборванца. Онъ держалъ въ рукѣ карманный фонарикъ и не могло быть никакого сомнѣнія, что это былъ воръ, тихонько забравшійся на пароходъ.

— Тебѣ чего? крикнулъ ему Коля.

Воръ не ожидалъ встрѣчи, вздрогнулъ и отступилъ назадъ. Онъ быстро загасилъ свой фонарь и сталъ искать выхода.

— Тебѣ чего? Кто ты такой? снова храбро спросилъ его Коля.

Воръ вернулся, схватилъ его за плечо, и близко приблизивъ свое лицо къ его глазамъ, злобно прошипѣлъ:

— Молчи! Если ты пикнешь, то тебѣ будетъ плохо!

— Я подыму сейчасъ весь пароходъ! закричалъ въ отвѣтъ на эту угрозу Коля.—Ты не смѣешь обворовывать моего капитана!

— Замолчи!.. еще злобнѣе прошипѣлъ незнакомецъ.—Если ты еще пикнешь хоть разъ, то я тебя задавлю, какъ блоху!

И онъ занесъ надъ его головой громадный ксстявый кулакъ.

— Шарикъ! крикнулъ Коля и отступилъ назадъ.—Возьми его!

Шарикъ точно ожидалъ отъ него этого приказанія. Съ яростнымъ лаемъ онъ бросился на вора, схватилъ его за одежду и повалилъ его на полъ. Воръ бился поднимъ, они оба забарахтались одной общей массой по полу и слышно было только, какъ ворчала собака и какъ въ ужасѣ бился и стоналъ незнакомецъ. А въ это время Коля выбѣжалъ на палубу и изо всѣхъ силъ кричалъ:

— Ко мнѣ! Сюда! Сюда! Идите сюда всѣ!

Боцманъ, матросы и механикъ выскочили на его зовъ и окружили его со всѣхъ сторонъ. Съ встревоженными лицами они стали спрашивать его, почему онъ такъ шумитъ, и онъ спокойнымъ голосомъ, но полный волненія и страха, рассказалъ имъ о томъ, что происходило теперь у капитанской каюты. Они зажгли огни, бросились внизъ и ихъ глазамъ представилась странная картина: на полу лежалъ ничкомъ воръ, а на его спинѣ стоялъ Шарикъ на всѣхъ четырехъ лапахъ и радостнымъ лаемъ торжествовалъ свою побѣду.

— Вотъ такъ собака! говорили матросы.—Ай, да Шарикъ!

Они взяли вора и, громко крича и жестикулируя руками, вывели его на берегъ и передали его властямъ.

А Коля скромно вернулся къ капитанской каютѣ, легъ на полу и, какъ ни въ чемъ не бывало, заснулъ сладкимъ сномъ. Къ его спинѣ опять прижался Шарикъ и грѣлъ его своимъ тѣломъ. Онъ тоже крѣпко спалъ. Ему снилось, что онъ бѣгалъ съ другими собаками по берегу, и лаялъ во снѣ. Но этотъ его лай былъ какимъ-то страннымъ, не похожимъ на его обычный голосъ, и казалось, что онъ горько плакалъ.

Утромъ капитанъ вернулся къ себѣ на пароходъ и ему тотчасъ-же рассказали обо всемъ. Онъ быстро спустился къ себѣ въ каюту и засталъ тамъ умилительную картину: Коля все еще спалъ у его двери и, обнявши обѣими руками Шарика, крѣпко прижималъ его къ себѣ. Шарикъ боялся пошевелинуться и только хлопалъ отъ удовольствія хвостомъ.

— Эй, ты, герой! Вставай! Уже пора! крикнулъ Колѣ капитанъ и потрепалъ его по плечу.

Коля вскочилъ, увидалъ передъ собою капитана и ему стало стыдно, что онъ проспалъ.

— Извините... сказалъ онъ.

А капитанъ опять ласково похлопалъ его по плечу.

— Молодецъ! сказали онъ.—Теперь я вижу, что ты настоящій мужчина! Я радъ, что не ошибся въ тебѣ!

Мальчикъ сконфузился отъ похвалы, опустилъ стыдливо глаза, покраснѣлъ и робко отвѣтилъ:

— Это не я, а Шарикъ...

Капитанъ сталъ гладить Шарика, а Коля быстро принялся за уборку своихъ пожитковъ.

Зашумѣли пары, слышались наверху шаги и загудѣлъ протяжный гудокъ парохода.

— Мнѣ уходить? обратился Коля къ капитану, завязавши все въ узелокъ.—Сейчасъ вѣдь пароходъ отправится въ путь?

Капитанъ взялъ его за руку и ласково ему отвѣтилъ:

— Нѣтъ, ты останешься здѣсь, со мной. Я сдѣлаю изъ тебя отличнаго моряка!

Коля просіялъ.

— А какъ-же Шарикъ? спросилъ онъ.—Его придется прогнать на берегъ?

Капитанъ подумалъ немного, потомъ тоже улыбнулся и снова потрепалъ собаку по спинѣ.

— Это его-то прогнать на берегъ? воскликнулъ онъ.—Нѣтъ, ужъ извини покорно! Съ такой собакой не расстаются никогда!

И всѣ вмѣстѣ они стали плавать изъ одного порта въ другой.

Морской прибой.

Проголодался.

ВЪ ЖАРКІЙ ПОЛДЕНЬ.

Душно... Жарко... Пить охота,
Градомъ льется потъ,
На поляхъ кипитъ работа—
Жатва ржи идетъ.

Нѣтъ дождя. Проходятъ грозы
Гдѣ-то стороной.
Все затихло. Лишь стрекозы
Рѣютъ надъ рѣкой.

Но кузнечики всѣ рады,
Что стоитъ жара,
И выводятъ серенады
Съ ранняго утра.

Ирисъ.

НА ЛОНѢ ПРИРОДЫ.

Дневникъ дѣвочки.

(Продолженіе).

Когда мы проснулись, то свѣтило яркое солнце и было прохладно. Мы всѣ побѣжали къ окошкѣмъ и отдернули занавѣски. На всемъ лежалъ отпечатокъ пронесшейся грозы. По дорожкамъ сада валялись обломанныя сухія вѣтви, въ глубинѣ аллеи видны были еще не просохшія лужицы воды и вся трава блистала на солнцѣ, точно усыпанная брилліантами.

— Теперь насъ долго не выпустятъ въ садъ вздохнулъ Коля.

Въ другое окно, которое вело во дворъ, мы увидали громадную лужу какъ разъ среди двора и массу плескавшихся и плававшихъ по ней утокъ и гусей. Пришла

откуда-то свинья съ двѣнадцатю поросятами, тоже влѣзла въ лужу и легла въ ней на бокъ, а поросята стали играть около нея на бережку. Вышелъ изъ людской Трифонъ и, громка шлепая по грязи, крикнулъ кому-то:

— Ну, и гроза была ночью!

Пока мы такъ смотрѣли въ окна, къ намъ вошла няня и стала насъ одѣвать.

— Яблоковъ-то, яблоковъ сколько осыпалось!.. говорила она.— Такъ вся трава грушами и обсыпана.

А когда мы вышли въ столовую къ чаю, то тамъ уже сидѣли тетя-Оля и еще какія-то женщины и старичокъ. Это были сосѣди. Они

только и говорили между собою что о грозѣ: тамъ-то у мельницы прорвало плотину, а тамъ-то зажгло молніей сарай. Слушая ихъ, Пелагея Арсеньевна крестилась, а мы смотрѣли на гостей большими глазами и не знали, бояться намъ, или нѣтъ? На этотъ разъ насъ никто противъ обыкновенія не угощаль.

— А гдѣ же Игнатъевна? спросилъ вдругъ Коля.

— За Васей уѣхала! отвѣтила тетя.— Уѣхала еще въ семь часовъ утра, а вотъ до сихъ поръ ее еще нѣтъ!

— Дорога плохая! сказали старичокъ.— Ну, счастливо оставаться!

Онъ поцѣловаль у тети-Оли руку, простился со всѣми и вышелъ изъ столовой, а вслѣдъ за нимъ ушли и гости-хохлушки. Мы остались одни.

— Такъ, значить, сегодня прѣдетъ Вася! воскликнула я.— Вотъ хорошо!

У крыльца раздалось шлепанье лошадиныхъ копытъ.

— Да вотъ, должно быть, и онъ! сказала тетя-Оля.

Мы всѣ бросились къ окну и дѣйствительно увидали, что на тарантасикѣ и на рыженькой лошадекѣ, сплошь обрызганныхъ грязью, прѣхала Игнатъевна и привезла съ собою и Васю. Онъ самъ слѣзъ съ тарантасика, хотя былъ худъ, какъ спичка, и блѣденъ, какъ воскъ.

— Виданное-ли дѣло, вдругъ слышался въ прихожей голосъ Иг-

натъевны, — оставлять мальчишку на двое сутокъ во всемъ домѣ одного! Прѣзжаю, а онъ всю ночь отъ грозы не спалъ и дрожить, какъ осиновый листъ! Входи, входи, милый, не бойся! Здравствуйте, добрые люди! Миръ вамъ!

Въ столовую робко вошелъ Вася, а за нимъ показалаь и Игнатъевна.

— Вѣдь вотъ какіе бываютъ люди на свѣтѣ, продолжала она.— Уѣхала Настасья Карповна въ городъ на двое сутокъ, никому ничего не сказала, а его во всемъ домѣ оставила одного! Ну, и грязь-же! У Прохорыча прорвало плотину, у Петренковыхъ зажгло сарай, а что у всѣхъ обсыпалось съ деревьевъ яблонь да грушъ,—такъ видимо—невидимо! Просто хотъ свиной корми!

И пока Игнатъевна рассказывала деревенскія новости, мы обступили Васю со всѣхъ сторонъ и не знали, гдѣ его посадить. Попавъ въ нашу компанію, онъ, казалось, сразу переродился; глаза у него заблестали, на блѣдныхъ щекахъ появился румянецъ и когда послѣ чаю мы перешли всѣ въ залу и стали играть, то онъ сѣлъ на стулъ и весело и звонко сталъ смѣяться тѣмъ глупостямъ, которыя продѣлываль Андрюша.

Насъ не выпускали въ садъ до полудня, пока не просохли дорожки. Послѣ же завтрака мы высыпали всѣ пятеро въ аллеи и на-

чали бѣгать взапуски. Бѣгалъ съ нами и Вася, хотя часто уставалъ и присаживался на лавочку, но мы всё замѣчали, что онъ уже поправлялся не по днямъ, а по часамъ. Вечеромъ, когда мы всё рядились и устраивали маскарадъ, приѣхала матушка за Андрюшей. Батюшка, отецъ Варсонофій, безпокоился, не надоѣлъ-ли онъ своими выходками тетѣ? Матушку усадили пить чай, а Андрюша забился подъ кровать и долго не хотѣлъ изъ-подъ нея вылѣзть.

— Не хочу я домой! плакалъ онъ и по его розовымъ, пухлымъ щекамъ такъ и струились крупныя слезы. — Крестненькая, не пускайте меня домой.

— Ну, хорошо, хорошо! отвѣчала ему Игнатъевна. — Сиди ужъ, да молчи!

И мы слышали, какъ Игнатъевна и тетя-Оля еще долго упрашивали матушку оставить Андрея еще на два или на три дня. Матушка долго не соглашалась, но подъ конецъ уступила и уѣхала домой одна. Мы всё, въ томъ числѣ и Вася, стали прыгать отъ радости и хлопать въ ладоши.

— Тихе, тихе, пострѣлята! закричала на насъ Игнатъевна. — Дайте попадѣ хоть выѣхать-то со двора, а то она подумаетъ, что вы провожаете такъ ее!

Мы снова принялись за нашъ маскарадъ. Я нарядилась въ тетинъ чепецъ и капотъ и надѣла

на носъ очки, Коля нарядился туркомъ, Бориска вывернулъ наизнанку шубу и сталъ ползать въ ней на четверенькахъ, представляя волка; а Фросю одѣли въ его панталоны и рубашку, такъ что изъ нея получился мальчишка. Вася тоже закутался въ пестрое одѣяло и надѣлъ на голову подушку. Что-же касается Андрея, то онъ досталъ изъ самоварной трубы сажи, густо вымазалъ ею себѣ лицо, шею и руки, такъ что оставались бѣлыми только зубы и бѣлки отъ глазъ, и, запрыгавъ на мѣстѣ, закричалъ:—

— Смотрите на меня! Я арабъ!

— Арабъ, арабъ! закричали всё мы и тоже запрыгали вокругъ него.

И, дѣйствительно, онъ очень походилъ на негра.

Вошла Игнатъевна и увидавши насъ въ смѣшныхъ нарядахъ, такъ и всплеснула руками. Собранны были въ домъ всё домочадцы, кучерь, нашъ Трифонъ, кухарка и многіе другіе и всё они весело смѣялись, глядя на наши танцы и костюмы.

Когда-же кончился маскарадъ и Андрюша сталъ умываться, то понадобилось еще много мыла и воды, чтобы сажа съ его лица смылась совсѣмъ.

— А ты возьми кирпичъ, посо- вѣтовала ему въ шутку Игнатъевна, — да потри щеки кирпичомъ! Оно и отойдетъ.

Затѣмъ мы поужинали и отправились спать. Не спавшій всю прошедшую ночь, Вася давно уже дремалъ, да и мы тоже уже клевали носами. Васю и Андрея положили въ сосѣдней комнатѣ и Игнатъевна строго приказала Андрюшѣ насъ не беспокоить.

— Вѣдь ты озорникъ! говорила она.— Ну, что буркалы-то выпучилъ и глядишь? Спи ужь!

Когда мы уже улеглись, то къ мальчикамъ вошла тетя-Оля и поставила Васѣ градусникъ. Подойдя затѣмъ съ градусникомъ къ свѣчкѣ, она долго разсматривала его и затѣмъ весело сказала:— Ну, и слава Богу! Температура нормальная!

И, перекрестивъ всѣхъ насъ общимъ крестомъ, она вышла изъ комнаты. Какъ только затихли ея шаги, Андрей вскочилъ съ постели, надѣлъ себѣ на голову простыню и забѣгалъ по спальнѣ.

— Я — смерть! кричалъ онъ.— Гдѣ моя коса? Берегитесь, я васъ всѣхъ подкошу!

Но вошла Игнатъевна, взяла Смерть за ухо и отвела ее снова въ постель.

— И что это за беспокойное существо такое! проговорила она.— Точно у него въ спинѣ гвоздь торчитъ! Лежи смиренно и не смѣй вставать!

И шуточно затопавъ на него ногами, она отправилась къ себѣ.

Пробило въ столовой девять часовъ, послышался тоненькій голо-

сокъ и тетиныхъ часовъ и всѣ мы погрузились въ крѣпкій сонъ.

На другой день случилось цѣлое происшествіе. Утромъ прибѣжала Фрося и объявила, что въ саду расцвѣли такіе цвѣты, лучше которыхъ нѣтъ на свѣтѣ. Мы всѣ бросились за нею въ садъ и, дѣйствительно, увидѣли превосходныя бѣлыя лиліи и стали ихъ нюхать. При этомъ Андрей такъ понюхалъ, что находившаяся на днѣ цвѣтка пчела, попала ему въ самый носъ и тамъ больно его укусила. Андрюша схватился за носъ и съ крикомъ побѣжалъ въ домъ. Несомнѣнно, что ему было очень больно, потому что мы видѣли, какъ носъ все распухалъ и распухалъ и, наконецъ, сдѣлался такимъ большимъ, какъ картошка. Игнатъевна испугалась и принялась его лечить. Она прочитала гдѣ-то, что отъ укусовъ пчелъ и осъ помогаетъ синька, и намазала ею Андрюшѣ носъ. Съ громаднымъ распухшимъ синимъ носомъ онъ былъ такъ смѣшонъ, что смѣялся и самъ. Ему было больно, но онъ шутилъ и говорилъ:

— Теперь я — Ломоносовъ: у меня ломить отъ боли носъ!

Вася тоже смѣялся и намъ было пріятно, что онъ развеселился и, повидимому, сталъ забывать о своей болѣзни.

Пока Игнатъевна возилась съ Андрюшей и мы всѣ стояли около нихъ толпой и смѣялись, пріѣхалъ земскій почтарь и привезъ тетѣ

Оль со станціи письма. Тетя прочитала ихъ одно за другимъ и вдругъ радостно воскликнула:

— Вася! Иди скорѣе сюда! Твоя мать наплась!

Вася поблѣднѣлъ и побѣжалъ къ тетѣ. Мы всѣ тоже послѣдовали за нимъ.

— Твоя мать наплась! сказала тетя. — Цѣлые два мѣсяца лежала больная въ тифъ въ Иваньковской больницѣ! Теперь она поправилась и выписалась уже изъ больницы. Живетъ тамъ-же, въ Иваньковѣ, и проситъ, чтобы тебя прислали къ ней!

Вася сразу расцвѣлъ.

— Мама! мама! закричалъ онъ. — Она наплась! Она жива!

Слезы засвѣтились у него на глазахъ, но въ то же время и радость не сходила съ его лица. Его радость передалась намъ и мы зашумѣли и запрыгали, точно его мать была нашей родственницей и точно его личное дѣло касалось и насъ.

— Ну, слава Богу! говорила Игнатъевна и крестилась. — Теперь, значить, нашъ Василій не сирота. Только какъ же намъ отправить его въ Иваньково одного? Вѣдь это не ближній свѣтъ! Цѣлыя полтора года верстъ отсюда на лошадахъ!

Тетя задумалась. Узнавъ, что мать такъ далеко, Вася отошелъ въ уголокъ и сталъ плакать. Андрей подскочилъ къ нему со своимъ боль-

шимъ носомъ и сдѣлалъ гримасу. Вася не сдержался и сквозь слезы прыснулъ отъ смѣха.

— Ну, кши, кши! крикнула на насъ Игнатъевна. — Бѣгите отсюда всѣ! Намъ надо поговорить! Идите въ садъ!

Мы схватили Васю за руки и побѣжали съ нимъ въ садъ. Когда мы вернулись къ завтраку, то тетя Оля и Игнатъевна были серьезны, говорили о чемъ-то для насъ непонятномъ, и только къ вечеру я узнала, въ чемъ дѣло. Тетя лично рѣшила везти Васю къ его матери, но только ей не хотѣлось возвращаться оттуда одной и она не знала, кого съ собою взять, кромѣ Васи. Послѣ ужина Игнатъевна подозвала меня къ себѣ и ласково погладила меня по головѣ.

— Хочешь ѣхать съ тетей въ Иваньково?.. спросила она меня.

— Зачѣмъ? спросила я.

— Тетя повезетъ туда Васю... Кстати, и ты побываешь тамъ. Хочешь поѣхать вмѣстѣ съ ней?

— А это далеко?

— Полтора года верстъ.

— Цѣлыя полтора года верстъ!

Мысль, что я поѣду такъ далеко, да еще на лошадахъ, захватила меня, я обрадовалась и захопала въ ладоши.

— Поѣду! Поѣду! закричала я,

И бросившись къ тетѣ, я повисла у нея на шеѣ и стала ее цѣловать. Узнавши, что я поѣду такъ далеко, дѣти окружили меня, стали

смотрѣть на меня завистливыми глазами и я не безъ тщеславія стала укладываться и собираться въ путь, хотя и брала съ собою совсѣмъ не то, что было нужно.

Отъѣздъ назначенъ былъ на слѣдующій-же день. Начались хлопоты, увязываніе узелковъ и узелочковъ, кучеръ Григорій выкатилъ изъ сарая старинную коляску и сталъ ее чистить и смазывать ей колеса, его помощникъ Лука сводилъ на кузницу тройку лошадей и когда все было готово, то, помолвившись Богу, тетя, Вася и я отправились въ далекій путь. Всѣ вышли насъ провожать, желали намъ счастливаго пути и когда, наконецъ, мы выѣхали изъ усадьбы, и я обернулась и увидѣла Андрюшу, Фросю, Колю и Суслика-Бориску, то мнѣ стало жаль съ ними расстаться и захотѣлось вдругъ соскочить съ коляски и побѣжать къ нимъ и взять всѣхъ ихъ съ собою.

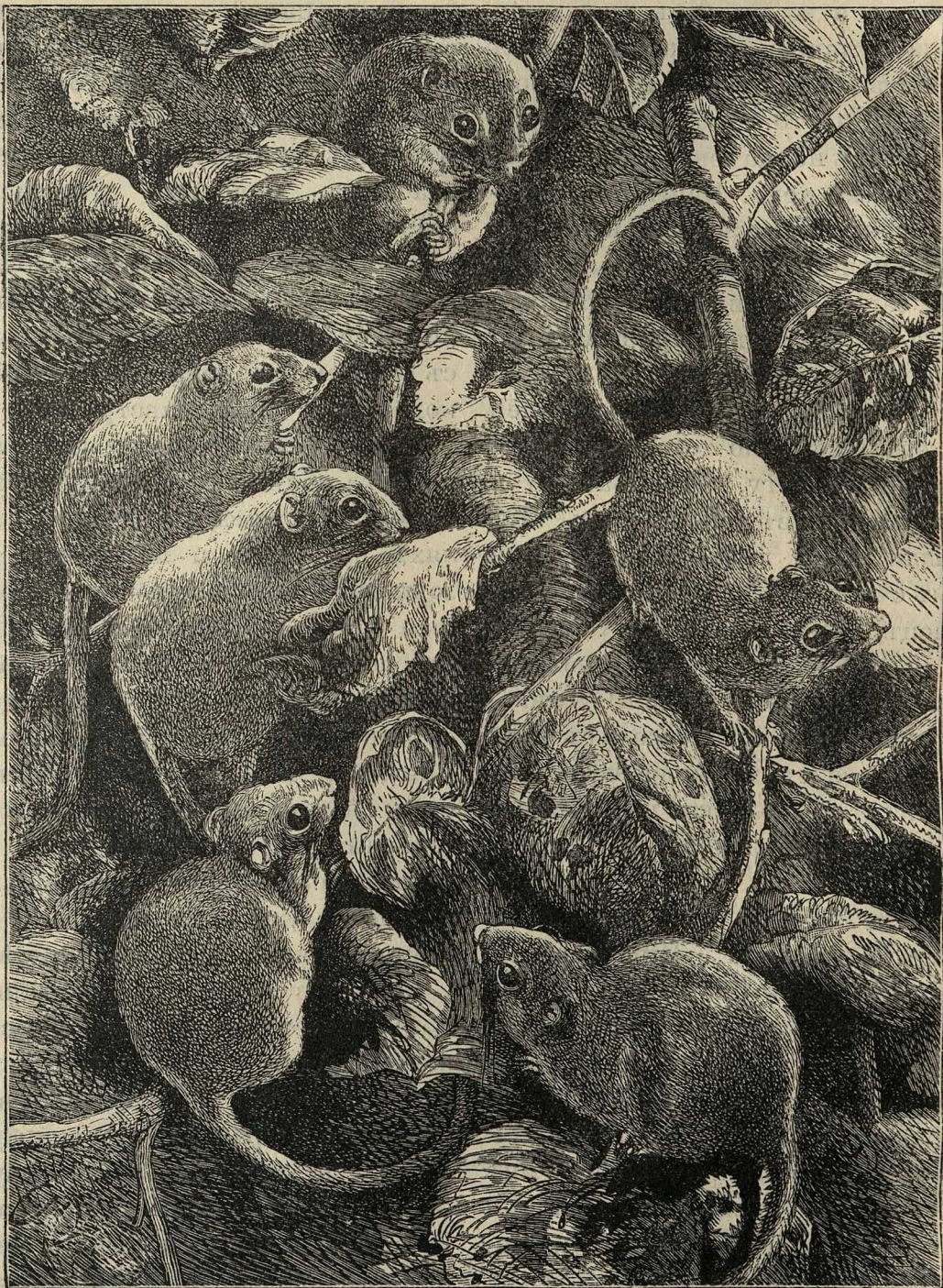
— Съ Богомъ! кричала намъ въ слѣдъ Игнатьевна.—Пишите намъ! Возвращайтесь скорѣе!

Это было длинное, утомительное путешествіе, но полное интереса и приключеній. Я видѣла передъ собою поля пшеницы, ржи, гречихи и конопли, свѣтило яркое солнце, мнѣ дулъ въ лицо свѣжій вѣтерокъ, и я чувствовала его бархатное прикосновеніе къ моимъ щекамъ, сама подставляла ему свое лицо и старалась какъ можно глубже дышать.

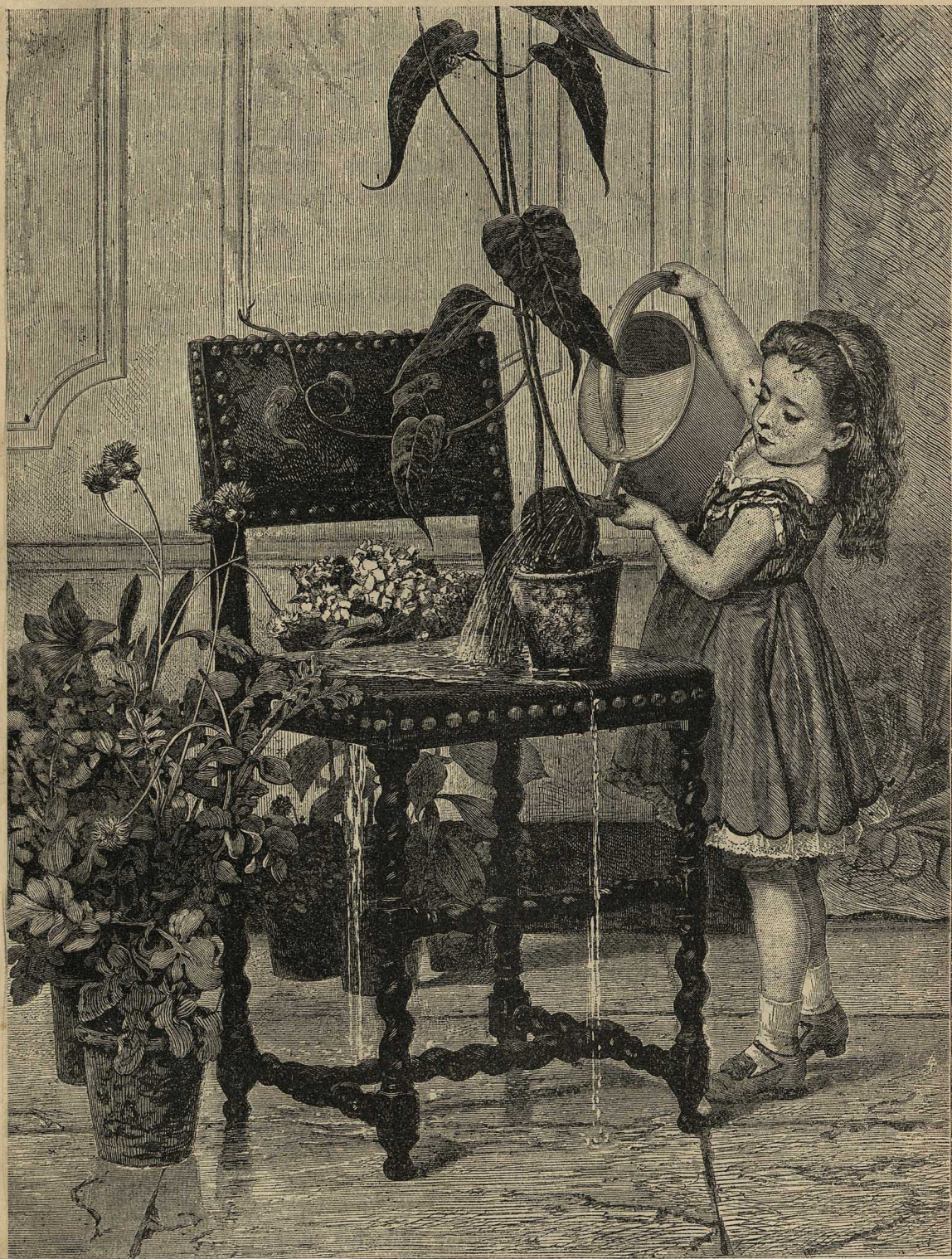
Намъ навстрѣчу попадались хуторки, утопавшіе въ зелени и цвѣтахъ, разукрашенные раскидистыми липами и узкими, долговязыми тополями и кудрявымъ хмелемъ. Въ этихъ хуторкахъ я видѣла прекрасныхъ молодыхъ дѣвушекъ, старыхъ бородатыхъ крестьянъ и черномазыхъ красивыхъ ребятъ. Я слышала чудныя пѣсни, когда послѣ сельскихъ работъ крестьяне съ пѣніемъ возвращались домой и попадались намъ навстрѣчу.

Но вотъ на вторые сутки, когда уже солнце сѣло и тѣни потянулись и такъ и застыли на поляхъ, на дорогѣ и на лѣсахъ, на горизонтѣ показалась чья-то большая барская усадьба съ длинной тополевою аллеей, спускавшейся прямо къ рѣкѣ. На невысокомъ курганчикѣ стояла вѣтряная мельница, за нею тянулся темный садъ съ тонувшимъ въ немъ стариннымъ барскимъ домомъ, напротивъ сада—рига съ огромнымъ гнѣздомъ аиста на крышѣ, а за тѣмъ—водяная мельница на рѣкѣ.

Сквозь густую листву каштановъ просвѣчивали ярко освѣщенные окна барскаго дома и манили къ себѣ. Я нагнулась впередъ, чтобы разглядѣть усадьбу, и вдругъ до меня донеслись звуки фортепіано. Кто-то въ домѣ игралъ. Издалека доносился плескъ мельничнаго колеса, на рѣкѣ кричали лягушки, свѣтили съ небесъ яркія звѣзды и было такъ хорошо, такъ

Полевая мышки.

Хозяюшка.

хорошо, что не хотѣлось уѣзжать; такъ бы всю жизнь стоялъ на одномъ мѣстѣ и слушалъ,

— Остановимся, тетя! сказала я.— На одну минутку!

Тетя хотѣла остановить Григорія, но въ это время раздался вдругъ лай собакъ, бросившихся на насъ, и заглушилъ собою все другіе звуки. Лошади рванулись впередъ и съ громомъ пронеслись по плотинѣ.

Затѣмъ меня и Васю перенесли на рукахъ изъ коляски въ какую-то хату, и сама тетя раздѣвала меня и укладывала въ мягкую постель, а кто-то другой раздѣвалъ соннаго Васю и громко надъ нимъ причиталъ:—

— Голубчикъ мой! Сыночекъ мой дорогой! Да тебя-ли я вижу? Ты-ли ко мнѣ пріѣхалъ?

Я слышала сквозь сонъ, какъ кто-то плакалъ, какъ плакала также и моя тетя, но глаза мои слипались, мнѣ хотѣлось спать, а Вася спалъ уже такъ крѣпко, что и не чувствовалъ надъ собою причитаній матери и ея поцѣлуевъ и слезъ и не сознавалъ того, что путь уже оконченъ, что полтора ста верстъ остались позади и что онъ уже дома, у своей матери; которая такъ долго его ждала.

На слѣдующее утро я проснулась около восьми часовъ и сразу не могла понять, гдѣ я и какъ я сюда попала. Въ открытое окно, сплошь заросшее кустами, проби-

валось въ комнату яркое солнце и окрашивало противоположную стѣну въ зеленоватый цвѣтъ; за окошкомъ рѣзвились воробы и съ надворья доносилось протяжное мычанье теленка.

— Вася, закричала я.— Вставай! Слышишь, Вася? Мы куда-то пріѣхали, гдѣ хорошо,

Вася вскочилъ, быстро одѣлся, и мы оба съ нимъ выскочили въ садъ и побѣжали къ рѣкѣ.

Въ саду было тѣнисто и прохладно. Кусты сирени, акаціи и шиповника толпились по бокамъ дорожекъ, всюду пестрѣли бархатцы, ноготки и анютины глазки, высились громадные подсолнечники. Сквозь кусты виднѣлась рѣка. Мы раздвинули ихъ и здѣсь, у берега, въ тѣни старой липы, оказался плотикъ, къ которому было привязано нѣсколько выдолбленныхъ изъ дерева челноковъ. Мы взошли на плотикъ, умылись прямо изъ рѣки, выждали, когда обсохли наши лица, и побѣжали назадъ. Къ намъ навстрѣчу вышла вдругъ какая-то худая, блѣдная женщина и, завидѣвъ Васю, широко разставила руки для объятій, да такъ и замерла.

— Вася!... Вася!... залепетала она.— Да ты-ли это? Тебя-ли я, голубчика, вижу?

Это была его мать. Со всего разбѣга онъ бросился къ ней на шею и громко заплакалъ.

— Мама! Мама!— закричалъ онъ,

и не могъ больше произнести ничего.

Она взяла его на руки, прильнула щекой къ его мокрому отъ слезъ лицу и тоже заплакала. Потомъ она понесла его въ хату, вошла съ нимъ въ нее, положила его на кровать и стала его ласкать и вытирать ему слезы.

— Да какъ-же ты исхудалъ, мой милый, мой ненаглядный Вася! говорила она.—Какой ты сталъ блѣдный, какъ глубоко ввалились твои глаза!

А онъ обнималъ ее и все повторялъ:—Мама, мама! Наконецъ-то ты нашлась!

И еще долго они оба причитали другъ надъ другомъ, такъ что хотѣлось заплакать и мнѣ самой. Но я удержалась и снова выбѣжала въ садъ. Тамъ на лавочкѣ сидѣла тетя-Оля.

— Здравствуй, Вѣрочка! сказала она и притянула меня къ себѣ.—Ну, что? Какъ? Отдохнула съ дороги? Очень утомилась?

Но радость свиданія матери съ сыномъ и торжество въ природѣ передались и мнѣ и я бросилась къ тетѣ на шею и стала цѣловать ее въ обѣ щеки.

— Спасибо тебѣ!.. повторяла я.—Здѣсь такъ хорошо! Я не уѣхала бы отсюда совсѣмъ!

Затѣмъ насъ позвали къ чаю. Мы пили чай, густыя сливки, ѣли сладкия, горячія пышки и мать Васи не знала, гдѣ насъ посадить

и чѣмъ накормить. Потомъ цѣлый день я и Вася бѣгали по саду, катались на лодкѣ, дразнили аиста на крышѣ, смотрѣли на начавшуюся уже молотѣбу. И весь день, съ утра и до вечера нашъ Григорій крѣпко спалъ подъ коляской и мухи облѣпили ему губы, носъ и глаза. Но онъ этого не слышалъ и на-верстывалъ то, что не доспалъ за дорогу.

На слѣдующій день мы уже отъѣзжали въ обратный путь.

Вася, его мать, какіе-то еще крестьяне вышли насъ провожать и когда мы, наконецъ, усѣлись въ коляску и тронулись въ путь, то еще долго видѣли ихъ позади себя. Они махали намъ шапками и руками.

— Добрый путь! кричали они.—Спасибо вамъ! Да наградить васъ Богъ!

И передъ нами снова потянулись поля, лѣса, сады и хутора и прекраснымъ вѣеромъ стали развертываться передъ нами одна за другой картины Малороссіи.

— Ну, слава Богу! перекрестилась тетя-Оля,—когда мы уже отъѣхали далеко.—Теперь мать и сынъ снова вмѣстѣ! Теперь ужъ онъ больше не сирота!

Услышавъ эти слова, Григорій повернулся къ намъ лицомъ и серьезно сказалъ:

— Васъ, барыня, за это Богъ наградить! Кто разлучаетъ мать съ ребенкомъ, тотъ будетъ горѣть

въ аду, а кто опять соединяетъ, тому простятся всѣ его грѣхи!

И вотъ опять двое сутокъ ѣзды на лошадахъ, опять села, деревни и хутора; снова — ночевки на постоялыхъ дворахъ и вотъ наконецъ въ далекой синевѣ степи передъ нами показывается уже темный лѣсъ и изъ-за него привѣтливо выглядываютъ красныя крыши тѣтиной усадьбы. И чѣмъ ближе мы подъѣзжаемъ къ ней, тѣмъ все больше и больше я становлюсь нетерпѣливой. Мнѣ начинаетъ казаться, что лошади бѣгутъ уже не такъ дружно, какъ бѣжали до сихъ поръ, и хочется выскочить изъ коляски и побѣжать впередъ одной. Но усадьба тети придвигается къ намъ все ближе и ближе, вотъ уже и паркъ и бѣлыя трубы на крышахъ, вотъ уже обрисовался и бѣлый заборъ и теперь уже видно, какъ кто-то выбѣжалъ изъ воротъ и машетъ намъ шляпами и платками.

Это — мои маленькіе друзья — Фрося, Коля и Бориска. Съ ними еще какой-то мальчикъ. Онъ взлѣзъ на дерево, съ дерева пробрался на крышу и тоже машетъ намъ оттуда цѣлой вѣткой ивы. Это — навѣрное Андрюша.

Мы подъѣзжаемъ къ крыльцу, насъ встрѣчаютъ Игнатъевна и домочадцы, начинаются объятія и поцѣлуи и мнѣ кажется, что я проѣхала цѣлыя тысячи верстъ и не бывала здѣсь цѣлые вѣка.

Затѣмъ — длинныя разговоры и расспросы: какъ мы ѣхали, что видѣли, гдѣ побывали? Я трещу, какъ сорока, рассказываю всѣмъ о своихъ впечатлѣніяхъ, Фрося не отрывая отъ меня глазъ, а мальчики смотрятъ на меня, какъ на большую, и имъ пріятно слушать меня и въ то-же время завидно, что ѣздилъ я, а не они.

Одинъ только Андрюша стоитъ въ сторонѣ и молчитъ. Его носъ уже прошель, синька съ него уже смылась, но только что-то странное появилось у него около губъ. Точно онъ взялъ въ ротъ камень и такъ и стоялъ съ этимъ камнемъ въ рту.

— Андрюша, что съ тобой? обратилась я къ нему. — Отчего ты печальный и молчишь?

— Не трогай его! отвѣтила мнѣ Игнатъевна. — Такъ ему и надо! И уродится-же такое безпокойное дитѣ!

— Да въ чемъ дѣло? спросила я. — Почему онъ молчитъ?

— Сегодня утромъ мы ходили на пасѣку за медомъ, продолжала Игнатъевна. — Пасѣчникъ вырѣзалъ намъ изъ улья меду, а этотъ дуралей тотчасъ-же схватилъ кусокъ, да и понесъ его съ пчелою себѣ въ ротъ! Пчела и укусила его прямо за языкъ! Вотъ и ходитъ теперь съ распухшимъ языкомъ!

Мнѣ было смѣшно, а Андрюша раскрылъ свой ротъ и показалъ мнѣ свой языкъ. Онъ былъ похожъ

на кусокъ вареной колбасы, но, по-видимому, для Андрюши это было ничего, потому что онъ вдругъ прыснулъ со смѣху и со всѣхъ ногъ пустился бѣжать въ садъ.

Мы всѣ послѣдовали за нимъ и скоро снова подъ высокими сводами вѣковыхъ аллей раздались наши веселые смѣхи и голоса.

Я не уѣхала-бы отсюда никогда.

М. Б—скій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЩЕНЯТКИ.

Единственный сынъ Николая Семеновича Сережа заболѣлъ скарлатиной и долго не вставалъ съ постели. Всѣ въ усадьбѣ приуныли и даже отчаялись видѣть его живымъ. Но онъ поправился и когда лежалъ затѣмъ въ постели худой и блѣдный, то и папа, и мама, и гувернантка Эмма Ивановна не знали, чѣмъ ему услужить и что сдѣлать для него пріятное.

— Прочитайте мнѣ что-нибудь! — сказала однажды Сережа.

Гувернантка тотчасъ-же прочитала ему исторію о томъ, какъ когда-то одинъ мальчикъ переходилъ зимой черезъ заходившія за облака Альпійскія горы, заблудился и сталъ замерзать. Его засыпало снѣгомъ и онъ уже впалъ въ забытѣе и трогательно сталъ прощаться со своей бѣдной матерью, оставшейся дома въ родной дерев-

нѣ. Но въ это время, гдѣ-то высоко-высоко подъ самыми облаками, въ избушкѣ у одного швейцарскаго крестьянина жилъ большой сень-бернарскій пёсъ Ренѳ. Крестьянинъ былъ проводникомъ и его Ренѳ уже многихъ путниковъ разыскалъ въ снѣгу и привелъ къ нимъ своего хозяина. Случилось такъ, что этотъ мальчикъ замерзалъ именно невдалекѣ отъ хижины крестьянина. Ренѳ почувалъ его, бросился съ воемъ разыскивать его, нашель, откопалъ его изъ-подъ снѣга и на своей спинѣ принесъ къ крестьянину, который отогрѣлъ мальчика и возвратилъ его потомъ матери. Рассказъ этотъ про Ренѳ былъ написанъ очень живо и въ трогательныхъ выраженіяхъ, такъ что его слушали всѣ: и мама, и няня, и даже горничная Наташа. Самъ-же

Сережа смотрѣлъ на Эмму Ивановну большими, не мигавшими глазами и старался не проронить ни одного ея слова. А когда Эмма Ивановна кончила чтеніе, то онъ заплакалъ и закричалъ:

— Хочу имѣть Ренò! Купите сенъ-бернарскую собаку!

Отець и мать переглянулись. Они были богаты, не нуждались ни въ чемъ, Сережа былъ у нихъ одинъ сынъ и они никогда не жалѣли для него ничего.

— Что-жъ?—сказала мама.— Почему не купить для него щеночка? Онъ растеть одинъ, ему скучно, а тутъ они будутъ играть и бѣгать вдвоемъ!

Николай Семеновичъ согласился съ ней и сталъ подыскивать, гдѣ бы купить такого породистаго щенка.

— Ему-бы не собаку,—сказалъ онъ,—а сверстника-человѣка! Какого-нибудь бѣднаго мальчика или дѣвочку! Росли-бы они вмѣстѣ и были-бы, какъ родные!

— Да гдѣ же взять?—возразила мама.— Возьмешь къ себѣ въ домъ какого-нибудь испорченнаго ребенка, а потомъ и не развяжешься съ нимъ никогда! Нѣтъ, ужъ лучше щеночка!

И такъ случилось, что вскорѣ же въ городѣ была собачья выставка. Николай Семеновичъ прочиталъ объ этомъ въ газетѣ, обрадовался, быстро собрался и уѣхалъ. На его счастье тамъ оказались два

дѣйствительно замѣчательныхъ сенъ-бернарскихъ щенка. Онъ купилъ ихъ за большія деньги, уложилъ въ корзиночку и передалъ своему кучеру.

— Ты-жъ свежи ихъ, Назаръ, осторожниѣ,—сказалъ онъ.— Не простуди дорогой и, какъ только приѣдешь домой, такъ тотчасъ-же и передай ихъ Сережѣ.

— А вы что-же сами, баринъ?—спросилъ кучеръ.

— Я приѣду послѣ! У меня тутъ еще дѣла!

Кучеръ взялъ корзиночку съ щенятами, усѣлся самъ на господское сидѣнье въ экипажѣ и поставилъ ее рядомъ съ собой. Дѣло было подъ ночь. Онъ ѣхалъ шажкомъ и всю дорогу дремалъ. Подъ конецъ онъ не выдержалъ и крѣпко заснулъ. Въ это время дорога шла мимо желѣзнодорожнаго полотна. Лошади испугались шедшаго навстрѣчу поѣзда и понесли. Экипажъ поскакалъ прямо по кочкамъ и по травѣ, кучеръ проснулся, схватился за вожжи, но было уже поздно. Лошади мчались, какъ безумныя, во весь духъ, остановить ихъ сразу было уже невозможно и только, проскакавъ бѣшено еще версты три, Назару удалось ихъ наконецъ направить на кустарники и успокоить. А когда онъ приѣхалъ въ полночь домой, то тутъ только догадался, что не привезъ съ собою щенятъ: они свалились гдѣ-то по дорогѣ, но гдѣ

именно, онъ этого такъ и не замѣтилъ. Возвращаться за ними было уже поздно и онъ рѣшилъ, что ихъ за ночь никто не возьметъ и онъ успѣетъ найти ихъ и завтра утромъ. И онъ распрягъ лошадей и завалился спать.

А тѣмъ временемъ корзинка валялась въ одномъ мѣстѣ, а щенята копошились сбоку дороги въ канавѣ въ другомъ и жалобно визжали. Корзинку подобралъ проходившій мимо нищій и унесъ съ собою, а щенки еще долго жались одинъ къ другому, звали къ себѣ мать и скулили.

Но здѣсь мы должны отступить немного въ сторону, перейти въ одну изъ небольшихъ деревень, по сосѣдству съ желѣзной дорогой и рассказать, что было потомъ черезъ полтора года.

Маленькая Анюта осиротѣла какъ-то сразу. Сперва умерла у нея мать и она осталась съ отцомъ одна. Отецъ запилъ съ горя и все въ хозяйствѣ пошло на упадокъ: сперва пришлось продать барановъ, потомъ корову, а потомъ пошелъ за долги и самый домъ. Отецъ затосковалъ еще больше, а затѣмъ слегъ и вскорѣ померъ. Анюта осталась сиротой. Отъ всего хозяйства ей осталось только одно имущество—это двѣ собаки Полканъ и Дамка, которыя молчаливо послѣдовали за нею.

— Куда вы? — обратилась она къ нимъ, навѣки уходя изъ род-

ного гнѣзда. — Идите прочь! Все равно мнѣ теперь некуда васъ дѣвать!

Но онѣ завилыли передъ ней хвостами и пошли за нею дальше.

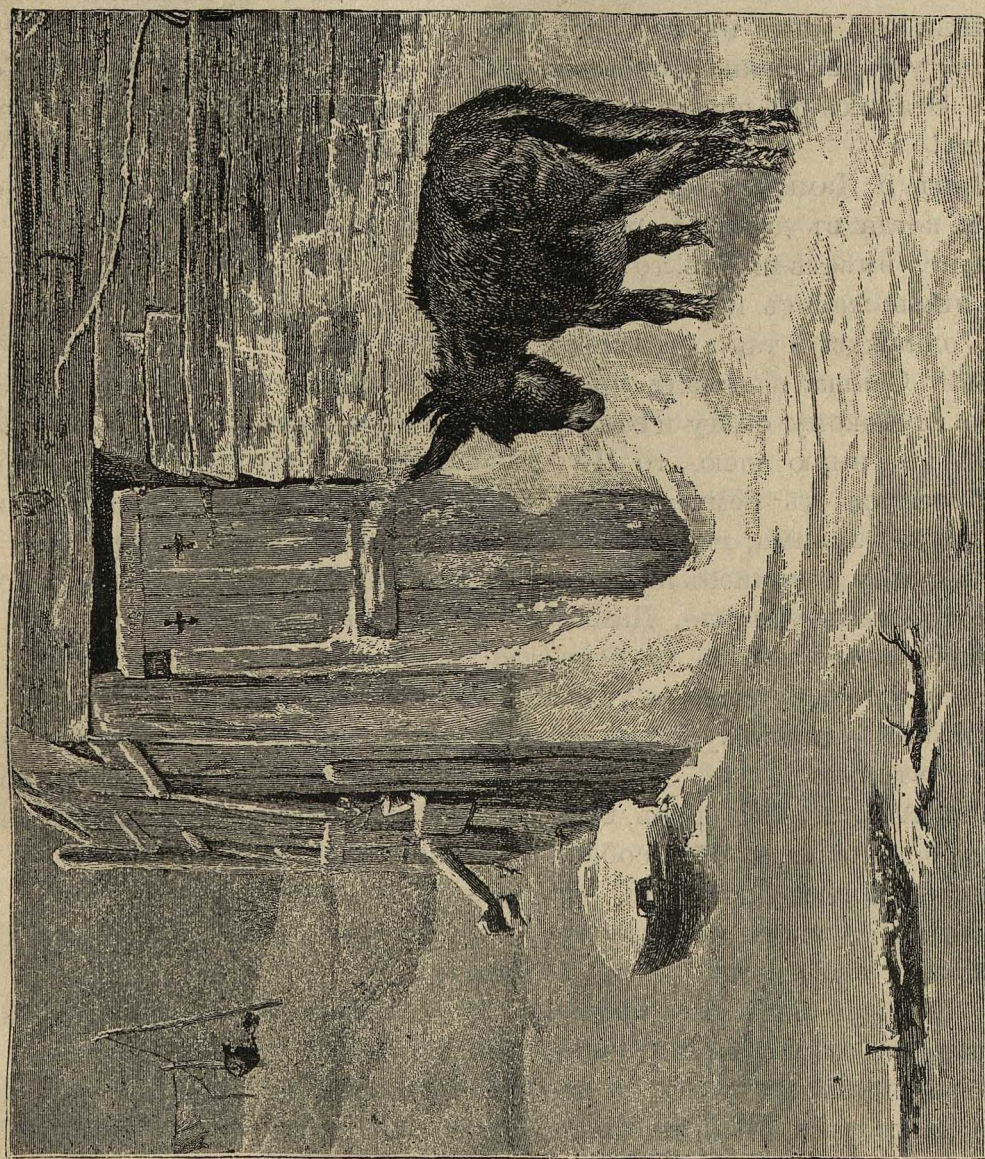
Это были очень хорошія, породистыя собаки, но Анюта вовсе не понимала ихъ породы. Для нея онѣ были просто собаки, какъ и всякія другія, и она видѣла въ нихъ только близкихъ друзей, къ которымъ привыкла и съ которыми все равно ей было бы тяжело расстаться. Теперь она была рада, что онѣ слѣдовали за ней, хотя и сама не знала, что будетъ съ ней и съ ними и чѣмъ онѣ всѣ трое будутъ жить. Какъ-то, еще полтора года тому назадъ, она шла по дорогѣ и увидѣла въ канавѣ двухъ щенятъ. Они жалобно визжали. Вокругъ нихъ кружились мухи и садились имъ на глаза. Анютѣ стало жаль ихъ, она подобрала ихъ и, веселая, радостная, побѣжала съ ними домой.

— Ну, и зачѣмъ ты ихъ принесла? — упрекнула ее мать. — На что они намъ!

Былъ недоволенъ и отецъ. Но Анюта устроила ихъ гдѣ-то въ сарайчикѣ, въ уголку, стала ихъ кормить и не прошло и мѣсяца, какъ по двору уже бѣгали забавные, веселые щенятки. Они признавали только одну Анюту и она считала ихъ только своими и не отдавала-бъ ихъ никому. Затѣмъ прошли полтора года и изъ нихъ выросли

Цыплята водной курочки, обгущія на зовѣ матери.

Позабытый.

двѣ большія красивыя собаки Полканъ и Дамка, которыя обращали на себя всеобщее вниманіе и тѣ, кто понималъ въ собакахъ толкъ, приходили отъ нихъ въ восторгъ.

— Ну, ужъ и собаки!—говорили они. — Этакихъ-бы собакъ да на выставку!

Полканъ и Дамка очень любили дѣтей и когда въ деревнѣ ребята собирались вмѣстѣ играть, то тутъ же къ нимъ жались и они. Случилось однажды и такъ, что когда маленькій Сенька задумалъ пройти по глубокому снѣгу и завязъ въ немъ по самую шею, то Полканъ бросился къ нему, быстро откопалъ его лапами, взвалилъ къ себѣ на спину и принесъ въ избу. Всѣхъ это очень удивило. Дамка же всякій разъ садилась на берегу рѣки и зорко слѣдила за тѣмъ, чтобы кто-нибудь изъ купавшихся дѣтей не утонулъ.

И вотъ Анюта шла теперь, куда глядѣли ея глаза, и обѣ собаки слѣдовали за нею. Она знала, что нужно было служить, но гдѣ служить и какъ это сдѣлать,—она не знала. Ей было извѣстно только одно, что съ этими двумя собаками ее не приметъ на мѣсто никто, но разстаться съ ними она не могла. Она проходила отъ одной усадьбы къ другой цѣлый день, просила въ нихъ тамъ себѣ занятій, но вездѣ ей неизмѣнно отвѣчали только одно и то же:

— Глупая! Да кто-же тебя при-

метъ съ этими двумя медвѣдями! Вѣдь ихъ надо прокормить! Посмотри, какіе они у тебя громадныя!

„Боже мой“,—думала она—„что же мнѣ теперь дѣлать?“

Но самая мысль разстаться съ собаками приводила ее въ ужасъ.

Прошелъ день, настала затѣмъ ночь, а она все еще ходила ни съ чѣмъ и не знала, что дѣлать.

— Пойду домой!—рѣшила она.— Тамъ теперь чужіе, но я все-таки пойду туда!

И она пошла. На самомъ краю села, нѣсколько поодаль, стояла изба теткі Пелагеи. Анюта такъ устала за день, что, проходя мимо нея, не выдержала и присѣла у ея порога. Полканъ и Дамка улеглись у ея ногъ и стали лизать ей руки. Всѣмъ троимъ очень хотѣлось ѣсть. Было прохладно и въ низинахъ поднимался туманъ. На волосахъ у Анюты висѣли росинки. Она закрыла руками лицо и стала плакать.

— Что ты тутъ дѣлаешь?—вдругъ послышался сзади нея голосъ.

Это вышла тетка Пелагея, заслышавъ ея всхлипыванія. Она нагнулась надъ ней и потрогала ее за плечо.

— Да никакъ это ты, Анюта?—продолжала она.— Ужъ не думаешь ли ты сидѣть здѣсь до самаго утра? Иди-ка лучше въ горницу! Пусть и собаки твои идутъ! Утро вечера мудренѣе!

Анюта отерла слезы, улыбнулась и съ удовольствіемъ вошла въ избу. Полканъ и Дамка послѣдовали за нею. Старуха усадила ее за столъ, дала ей поѣсть, накормила и собаку, и уложила дѣвочку спать.

Наступило утро, всѣ встали чуть свѣтъ.

— Ну, Анюта, — обратилась къ дѣвочкѣ Пелагея, — теперь собирайся, пойдѣмъ! Я отведу тебя на мѣсто! Я всю ночь не спала и думала о тебѣ. Здѣсь недалеко, у трактирщика Ѳедора Егорыча, вышла замужъ дочь и вдругъ неожиданно забрали сына въ солдаты. Должно быть ему теперь нужны рабочія руки. Такъ пойдѣмъ-же къ нему скорѣе, чтобы онъ не нанялъ кого-нибудь раньше тебя.

Старуха не ошиблась. Трактирщику дѣйствительно нужна была служанка и онъ даже обрадовался, что къ нему привели именно такую, которой не надо было вовсе платить жалованья и можно было держать только изъ-за однихъ харчей.

— Ну, пусть ужъ и собаки остаются! сказалъ онъ Пелагеѣ. — Много мѣста онѣ не займутъ, а объѣдковъ у насъ всегда остается много. Кстати и воровъ будутъ пугать.

Такимъ образомъ Анюта поступила на мѣсто, и не прошло и двухъ недѣль, какъ Ѳедоръ Егорычъ уже не могъ нахвалиться своей новой служанкой, несмотря

на то, что она была еще ребенкомъ. Она работала за четверыхъ. Она вставала каждый день съ восходомъ солнца, выгоняла въ поле барановъ и поручала ихъ своей Дамкѣ. Затѣмъ она доила коровъ, привѣшивала къ нимъ бубенцы, выпускала ихъ въ лѣсъ и оставляла около нихъ Полкана.

— Ты-жъ смотри за ними, Полканъ! наказывала она ему, — гляди, чтобы онѣ не заблудились и не зашли на чужую землю!

Дамка и Полканъ понимали ее и ревностно исполняли ея приказанія.

Такъ прошло полгода и всѣ ею были довольны. Была довольна и она сама: теперь, по крайней мѣрѣ, у нея и у ея собакъ былъ домъ и она знала, что ихъ не выгонять на улицу.

И вдругъ случилось событіе. У Дамки родились щенки. Цѣлыхъ шестеро! Маленькіе, слѣпые, они прижимались къ своей матери и она лизала ихъ и кормила молочкомъ. Анюта обрадовалась, но въ то-же время и испугалась. Что теперь скажетъ Ѳедоръ Егорычъ? Какъ онъ отнесется къ этому новому событію? Поощадить-ли онъ щенковъ?

И онъ дѣйствительно ихъ не поощадилъ.

— Цѣлыхъ шестеро! воскликнулъ онъ. — Да куда мнѣ ихъ! Немедленно-же ихъ утопить! Чтобы и духу ихъ не было!

Дѣвочка заплакала. Когда хозяинъ ушелъ, она перенесла щенковъ въ другое мѣсто, загородила ихъ такъ, чтобы никто не видѣлъ, и то и дѣло стала забѣгать къ нимъ, чтобы убѣдиться лишній разъ, что они еще цѣлы.

— Ну, что-же? Утопила? спросилъ ее трактирщикъ.

— Утопила.... едва имѣла она силъ соврать.

Но прошло двѣнадцать дней, щенки прозрѣли и скрыть ихъ болѣе было уже нельзя. Какъ-то Дамка долго не возвращалась къ нимъ, они соскучились по ней и стали громко визжать. Трактирщикъ услышалъ ихъ, обнаружилъ ихъ мѣстонахождение и сталъ кричать на весь дворъ.

— Вонъ ихъ отсюда! Сейчасъ же ихъ всѣхъ утопить въ поганомъ ведрѣ! Чтобы и духу ихъ здѣсь не было!

Дѣвочка испугалась, схватила ихъ всѣхъ шестерыхъ къ себѣ въ передникъ и выбѣжала съ ними за ворота.

— Утопить этихъ щеночковъ? заговорила она сама съ собой.— Лишить ихъ жизни? Да развѣ я могу это сдѣлать? Вѣдь они Божье созданіе! Они дѣти моей Дамки! Но куда-же ихъ въ самомъ дѣлѣ дѣвать?

Она остановилась въ нерѣшительности. Судьба Полкана и Дамки вдругъ пришла ей на умъ, она вспомнила, какъ нашла ихъ когда-

то въ канавѣ, и рѣшила поступить и съ ихъ щенками такъ-же, какъ поступилъ тогда съ ними самими ихъ неизвѣстный хозяинъ.

— Вотъ что, рѣшила она.— Я отнесу ихъ на большую дорогу и положу ихъ тамъ въ канавѣ. Ктонибудь проѣдетъ мимо, добрый человѣкъ, сжалятся надъ ними и заберетъ ихъ къ себѣ.

И она отправилась въ путь. Она попрежнему несла щенятъ въ передникъ и ей жаль было съ ними разставаться. Дойдя до большой дороги, она присѣла на ея край, положила около себя на траву щенятъ и стала плакать. Щенята безъ матки визжали.

Сзади нея вдругъ послышался стукъ лошадиныхъ копытъ и шумъ экипажа, но, занятая своими мыслями, Анюта не замѣтила его и не обернулась.

— Эй, дѣвочка! послышался голосъ.— Это дорога на Липицы?

Анюта вскочила.

— На Липицы? повторила она.— Нѣтъ, это дорога на Новоселки, а на Липицы надо ѣхать назадъ!

Господинъ нахмурился.

— Вѣдь я-жъ говорилъ тебѣ, Назаръ, обратился онъ къ кучеру,— что ты взялъ не туда! Изволь вотъ теперь возвращаться по твоей милости назадъ!

— Виноватъ, Николай Семеновичъ... отвѣтилъ кучеръ.

И замѣтивъ, что дѣвочка плачетъ и что около нея копошатся

на травѣ щенята, Николай Семенычъ спросилъ;—

— Чего ты плачешь? Что это за щенки?

Она рассказала ему все: какъ она когда-то лишилась матери и отца и должна была уйти изъ своего родного дома, какъ шла по дорогѣ и нашла двухъ щенятъ, изъ которыхъ выросли потомъ Полканъ и Дамка, какъ потомъ отъ нихъ родились вотъ и эти шесть щенковъ и какъ трактирщикъ приказалъ ей ихъ всѣхъ утопить.

Николай Семенычъ выслушалъ ее, сошелъ съ коляски и посмотрѣлъ на щенятъ.

— Превосходные щенки! сказалъ онъ.—Это сенъ-бернарской породы! Точь въ точь такія, какихъ я купилъ тогда на выставкѣ!

И, обратившись къ дѣвочкѣ, онъ продолжалъ:—

— Но ты не бойся, дѣвочка, тебѣ не придется ихъ утопить! У меня есть сынъ Сережа и я общалъ ему купить такихъ щенковъ. Я долженъ сдержать свое обѣщаніе и беру всѣхъ ихъ себѣ.

А потомъ онъ подумалъ немного и сказалъ:—

— Ты говоришь, что ты круглая сирота? Что-же? Садись ко мнѣ въ экипажъ и поѣдемъ со мной! Тебѣ найдется мѣсто у меня въ усадьбѣ! Ты кажешься мнѣ хорошею дѣвочкой.

Она нерѣшительно подошла къ экипажу.

— А какъ-же Полканъ и Дамка? спросила она.

— Какіе Полканъ и Дамка? переспросилъ онъ.

— А тѣ собаки, которыхъ я нашла тогда въ канавѣ!

— Такъ сбѣгай скорѣе за ними и приведи ихъ сюда!

Она свалила всѣхъ щенятъ въ экипажъ и, не чуя отъ радости подъ собою ногъ, во весь духъ помчалась къ трактиру. Скоро она вернулась со своими собаками назадъ. Николай Семенычъ посмотрѣлъ на нихъ, да такъ и ахнулъ отъ изумленія: такъ хороши и породисты были эти собаки.

Три часа спустя экипажъ подъѣхалъ къ крыльцу усадьбы. Заслышавъ его, изъ дома выбѣжали мама, Сережа и гувернантка Эмма Ивановна.

— Папа! папа! весело закричалъ Сережа и запрыгалъ отъ радости на мѣстѣ.

Николай Семенычъ взялъ его за руку, подвелъ его къ экипажу и указалъ ему на Анюту, щеночковъ и на собакъ.

— Это тебѣ подруга, сказалъ онъ,—а это тебѣ новые друзья! Люби эту дѣвочку, какъ родную сестру,—она круглая сирота. А эти собаки и щенки пусть напоминаютъ тебѣ тотъ рассказъ, который когда-то читала тебѣ Эмма Ивановна.

Сережа постоялъ немного, глаза его сверкнули, заблестѣли отъ ра-

дости, онъ взвизгнулъ, сгребъ игрушки, и я покажу ихъ те-
всѣхъ щенять въ подолъ своей бѣ всѣ!
русской рубашки, схватилъ за Но имъ обоимъ было теперь не
руку Анюту и потащилъ ее за до игрушки. У нихъ были щен-
собой въ домъ. ки и большаго они не хотѣли те-
перъ ничего.

— Пойдемъ! Пойдемъ скорѣе!
закричалъ онъ.—У меня много

К. Тр.—

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Задуманы три слова, которыя
означаютъ:

1. Закуску.
2. Кавказскую шапку.
3. Сѣверную птицу.

Два первые слога каждаго изъ
этихъ словъ означаютъ:

1. Посуду, употребляемую въ
химическихъ опытахъ.

2. Названіе человѣка, имѣющаго
дѣтей.

3. Названіе города въ Голландіи.

Отнять эти слова отъ первыхъ
словъ, такъ, чтобы изъ окончаній,
которыя отъ нихъ останутся, по-
лучилось новое слово, означаю-
щее названіе безплодной мѣстно-
сти.

Какая это мѣстность?

II.

За столомъ сидѣли двѣ бабуш-
ки и двѣ внучки; двѣ матери и
двѣ дочери; прабабушка, двѣ ма-
тери и внучка; правнучка, внучка

и двѣ бабушки. Сколько было
всѣхъ?

III.

Задуманное слово состоитъ изъ
15 буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9.
10. 11. 12. 13. 14. 15.

Буквы 8. 2. 12. 11. 14. 15 озна-
чаютъ названіе дерева, 4. 5. 6. 14.
15—металлъ, 14. 6. 7. 15—двухко-
пытное животное, 13. 4. 9. 3. 6—
дерево, 14. 6. 10. 5. 9—крестьян-
скую обувь, 14. 13. 1. 2. 8. 15—
часть руки, 3. 9. 5. 1. 9—то, безъ
чего нельзя шить, 3. 11. 4. 9. 14.
1. 9—вещь необходимую на вой-
нѣ при подачѣ первой помощи ра-
ненному.

Отгадать всѣ эти слова и задуманное слово, которое означаетъ названіе города, исторически связаннаго съ Россіей.

IV.

Названія какихъ фруктовъ, ово-
щей и плодовъ заключаются въ
слѣдующихъ фразахъ:

1. Чтобы облегчить себѣ трудъ, я блокомъ поднималъ тяжести кверху.

2. Дѣти начали игру шарами и скоро перессорились между собой.

3. Ребенокъ утонулъ-бы, если-бы его не вытащила изъ воды няня.

4. Ударяя себя въ перси, къ своему владыкѣ приблизился мусульманинъ.

5. Мы принимали наше лекарство.

6. Дарья выкапывала изъ земли крупные клубни картофеля.

7. Вы глядѣли все время на нихъ, а на насъ даже и не обращали никакого вниманія.

8. Когда мы вышли отъ вечерни, капало съ крышъ и было тепло.

9. Крестьянскія дѣвочки принесли вамъ цѣлое лукошко грибовъ.

10. Засѣла лягушка въ кусты, квакаетъ тамъ и таращитъ кверху глаза.

V.

Даны три гласныя буквы:

— А. — У. — А.

Изъ названія самой обыкновенной птицы изъ вороньей породы, столь обычной въ деревняхъ и въ усадьбахъ, взять согласныя буквы и поставить ихъ передъ гласными на мѣстахъ черточекъ.

Должно получитья названіе города въ Центральной Россіи.

Какой это городъ и какая птица?

Рѣшеніе головоломки и ребуса № 16, помещенныхъ въ № 15 „Золотого Дѣтства“.

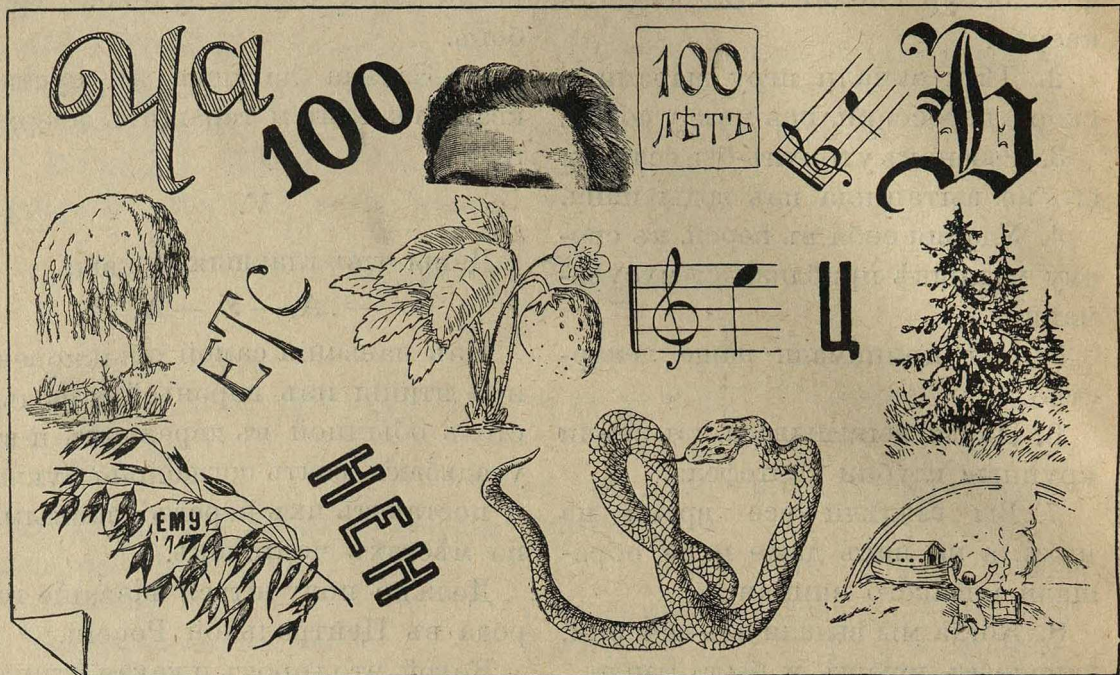
Головоломки: I. Баркасъ, сорока, корка, рись, барбарисъ, кокъ, крабъ, бобръ, собака, окорокъ, осока, баракъ = Абркосъ. II. Тише ѣдешь, дальше будешь. III. Тру(ба)+дно+тре+бусы+разъ+гады+(кро)вать=трудно ребусы разгадывать. IV. Нога, вата, гора=навага. V. Гитара, духи, нога=радуга. VI. Клубни+ка (клубника), слива, петру+шка (петрушка), ...мали+на (малина), ...рѣ+па (рѣпа), ...черни+ка (черника), ...гру+ша (груша);...ды+ня (дыня). VII. Катюшка.

Ребус № 16. Ча+сто+че+ло+вѣкъ+до+б+ива+ете+ягода+ми+ц+ели+ему въ овсѣ+нен+ужъ+Ной=Часто человекъ добивается годами цѣли, ему вовсе не нужной.

Вторныя рѣшенія за эти дѣтъ недѣли прислали: В. Нейвеллеръ, Б. Удальцовъ, В. Астрейнъ, Н. Вдовина, В. Микеровъ, К. Козловъ, Н. и С. Полянскіе, В. и М. Тюрины, А. Любимовъ, З. Маркова, Е. Александровская, Н., А. и Г. Лоренцъ, Ксенія изъ Алексина, Н. и Л. Фоины, Л. Чумакова, М. и К. Полташевскіе, Б. Кондратьевъ, Т. Ширинкинъ, Л. и Л. Пленкины, К. и П. Соколовы, Г. Энненбергъ, Ю. Полянскій, Н. Майловская, Т. Вернацкая, Н. Тороповъ, В. Березинъ, П. Польш, Л. и К. Жилияевы, Ж. Фомина, В. Зѣневичъ, И. Кисельгафъ, Л. Чудинова, П. и Л. Кацауровы, Т. Шлыкова,

П. Ольшанскій, О. Эдельманъ, Т. Абрамовичъ, Л. Арнольдова, А. и Г. Мизрохъ, П. Александрова, К. Озембловскій, Л. Соколова, Я. Пятовъ, Ф. Карамышевъ, Г. Жудро, Ш. Кирхофъ, В. Крестовскій, И. Карныгинъ, Н. Соколова, Г. Мальчевская, Э. и Э. Лейтесъ, Н. Пономарева, В. и К. Курищенко, П. Борисовъ, В. и М. Базарные, Н. Русакова, В. и Г. Добрецовы, Н. Яроцкій, В. П. Воскресенскій, В. Пироговская, Дуся Х., Н. Рудичева, Л. и О. Шуваловы, С. и К. Рогачевы, С. Ланской, Н. и Н. Старикаповы, Н. Губаръ, М. и С. Шубины, О., В. и Ж. Климовы, А., С. и А. Арбузовы, А. и Л. Сатикъ, К. Бостремъ, В. Кафталъ, И. Крашевскій, Н. и Л. Люстернякъ, П. и К. Яковлевы, Н. Шеметилло, С. и Г. Ададуровы, Жанъ-Мари, Каэтъ Галопень, В. Герасимовъ, В. Мартенсъ, Т. Мозаихинъ, Г. Егорова, К. Веняминова, Т. Геронина, Г. Смоленскій, С. Адельбергъ, В. Прилуцкая, Ю. Р., А. Рогожниковъ, Л., А. и В. Грейнеръ, К., А. и Н. Кротовы, Т. Лабгардъ, Р. Лютеръ, В. и Ю. Сухины, В. Барбаринъ, К. Озембловскій, А. Окромьенко, В. и К. Пильщикovy, С. Вырскій, С. и П. Темировы, Борисъ и Андрей, Л. и Г. Трефилевы, М. Вержбинская, М. Козловскій, Морейнъ, П. Политовъ, В. Заксъ, К. Крейшманъ, Гриштутикъ, и Оксаночка, В. Еласова, З. Нутрихина, Б. Коппель, С., А. и Н. Михайловы, М. Лашманцова, П. Андреева, К. Фербенъ, А. Шаликовъ.

Ребусъ № 18.

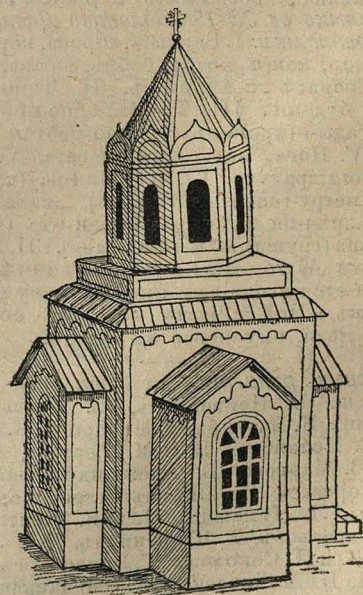
(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ головоломки или ребусъ, будутъ напечатаны).

ТРИ КНИГИ за 1 руб. 60 к.

съ пересылкой:

1. „Дружокъ и Ёмка“.
2. „Въ хеволтъ“.
3. „Англійскія сказки“.

Выписывать можно **открытымъ письмомъ** изъ Редакціи журнала „Золотое Дѣтство“, Петроградъ, Каменноостровскій просп., 26.

Модель приложенія къ этому номеру.

художественно-литературный журналъ
для дѣтей (7—12 лѣтъ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Выходитъ два раза въ мѣсяць (24 въ годъ номера).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Журналъ отличается внѣшнимъ изяществомъ и тщательно подобраннымъ содержаниемъ. Давая подписчикамъ въ 1915—1916 году цѣлый рядъ интересныхъ приложений, редакція задалась цѣлью доставить имъ полезныя и разумныя занятія и развить въ нихъ вкусъ ко всему изящному.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій, дѣти въ «Золотомъ Дѣтствѣ» найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады, и проч. и проч.

При каждомъ номерѣ приложения въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

— Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно выбранное содержаніе «Золотого Дѣтства».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

- 24** НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
- 12** КАРТИНЪ для украшенія дѣтской.
- 12** ИГРЪ для дѣтей.
- 24** ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (домики, мебель, экипажи и проч. и проч.).

Особое приложение для годовыхъ подписчиковъ:

Книга съ иллюстраціями:

„БРАТЪ И СЕСТРА“.

≡ Книга эта будетъ прочтена дѣтьми не разъ съ захватывающимъ интересомъ. ≡ Головоломки и ребусы, помѣщаемые въ «Золотомъ Дѣтствѣ», являются интереснымъ развлеченіемъ для дѣтей, пріучающимъ ихъ ориентироваться въ царствѣ смекалки.

Имѣемъ отзывы, что по содержанію и изящной внѣшности „Золотое Дѣтство“ является однимъ изъ лучшихъ дѣтскихъ журналовъ въ Россіи.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущены къ выпискѣ въ ученическія бібліотеки юродскихъ училищъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой
на годъ 4 р. 80 к., на полгода—2 р. 40 к.

Адресъ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», Петроградъ,
Каменноостровский проспектъ, 26.

4 р. 80 к.

За перемѣну адреса—28 копѣекъ марками. Перемѣнять адресъ можно простымъ письмомъ.

Не забудьте сообщать при этомъ и старый Вашъ адресъ.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.